

— На март была назначена защита Володи Клименко в ИЗМИРАНе. И вот недели за три до неё мы узнаём интересную новость: Клименке в пару Ситнов поставил ... Колю Бобарыкина. Мы уж про него как-то забыли, ничего не было слышно после того, как Бобарыкин прошёл-таки секцию.

— Правда, перед Новым годом ещё мы узнали, что оппонентами у него будут два доктора (а не доктор и кандидат, как обычно) - Фаткуллин и ... Кринберг. Значит, Кринберг переменял своё решение, если говорил правду мне тогда, на защите Хазанова. Я написал ему письмо, не очень, правда, надеясь, что Кринберг откажется оппонировать или даст отрицательный отзыв: сам, ведь, говорил ему, что бесполезно давить на оппонентов, когда Кринберг рассылал свой отрицательный отзыв оппонентам Хазанова. И всё же письмо послал. Вот оно.

"Глубокоуважаемый Игорь Августович!

Помнится, в Ленинграде я спрашивал у Вас, не собираетесь ли Вы оппонировать Бобарыкину. Вы ответили, что нет, хотя Осипов Вас и уговаривал. Недавно, будучи в ИЗМИРАНе, я узнал, что ситуация изменилась, то есть Осипову, похоже, удалось Вас уговорить, и Вы согласились быть оппонентом у Бобарыкина. Думаю, что Вам будет интересно знать наше мнение (моё и моих коллег по обсерватории) о работе Бобарыкина и о самом диссертанте, тем более, что ситуация чем-то сродни Вашему конфликту с Хазановым.

Работая в соседней с нами организации - Калининградском университете, Бобарыкин тем не менее не захотел обсуждать диссертацию у нас, а сразу отправился в ИЗМИРАН в отдел Беньковой. Однако на секцию Учёного совета ИЗМИРАН его не выпустили. Председатель секции (тогда им был И.А. Жулин) потребовал рекомендацию нашего семинара. Бобарыкин был вынужден выступить у нас, а предварительно мы изучили его работу и подготовили проект отзыва семинара - резко отрицательный, в котором, в частности, разоблачалась его попытка подлога: выдать результаты расчётов, выполненных в диффузионном приближении, за результаты, полученные с учётом членов инерции (расчёты для условий Миллстоун Хилла, 3-я глава). Мы предложили Бобарыкину выбрать - либо выходить с этим отзывом на секцию, либо забрать диссертацию на переработку с последующим обсуждением у нас, в этом случае наш первый отрицательный отзыв никуда не посылается. По настоянию своего научного руководителя К.С. Латышева Бобарыкин выбрал второй вариант. Это было в начале 1981 года. Весной 1982-го года Бобарыкин принёс мне переработанную диссертацию и попросил уведомить секцию Учёного совета о том, что он диссертацию переработал и теперь она может быть рекомендована к защите.

Я предложил Бобарыкину повторно выступить у нас на семинаре. Он отказался, а на секции Учёного совета в ИЗМИРАНе заявил, что обо всём договорился со мною, что якобы я смотрел диссертацию и одобрил её. Из нашей обсерватории никого на секции не было, и фокус ему удался.

Теперь о самой работе. Она и в переработанном виде содержит недостатки, совокупность которых позволяет утверждать, что работа требованиям ВАК не удовлетворяет.

В частности, в первой главе, где автор исследует влияние силы инерции на параметры F2-слоя в задаче с верхней границей на высоте 800 км, автор получил в расчётах для спокойных ночных условий различие в $NmF2$, достигающее 2-х раз, обусловленное членом инерции. Этот основной результат главы нефизичен и обусловлен неправомочным заданием на верхней границе резко переменного потока частиц. Бобарыкин, не задумываясь, использовал в этих расчётах сделанную Л.П. Захаровым аппроксимацию данных Эванса, воспроизводящую все мелкомасштабные колебания потока, связанные

скорее всего с погрешностями измерений. Эти быстрые изменения потока, не соответствующие постановке задачи и даже не имеющие физического смысла, и обусловили полученные автором всплески инерциальных членов. Вообще ясно, что роль инерции в поведении F2-слоя корректно изучить можно только в задаче интегрирования по трубке, а не в задаче с верхними граничными условиями.

— Нестационарный полярный ветер. Здесь автор путает нестационарные процессы в ионосфере с методом установления, позволяющим получить стационарное решение от произвольных начальных условий. Именно это и сделано в работе: получен выход на стационар от совершенно нефизичных начальных условий: начальный профиль концентрации взят соответствующим стационарному полярному ветру из работы Бэнкса и Хольцера, а начальный профиль скорости - нулевой (если не ошибаюсь: пишу по памяти, так как диссертации у меня нет). Новый стационарный профиль концентрации отличается от начального, так как все параметры задачи отличны от использованных Бэнксом и Хольцером. Бобарыкин же приписывает это различие "эффекту нестационарности". Лишён физического смысла и колебательный характер процесса - это паразитные колебания самой вычислительной схемы.

— О формировании плазмопаузы. Бобарыкин почему-то считает, что сразу за плазмосферой имеет место режим полярного ветра, тогда как полярный ветер потому и назван полярным, что имеет место в полярной шапке. Конечно, если произвольно включить полярный ветер в любом месте, то и плазмопаузу можно получить, где угодно.

— Что же остаётся от диссертации? Так называемые прогностические расчёты на диффузионной модели, которые сравниваются с данными Эванса? Так сейчас таких расчётов произведено тьма тьмушья. И причём здесь процессы переноса с учётом инерции, которые предположительно должны быть предметом исследований в диссертации?

— И, наконец, помимо слабости самой работы меня вынуждает выступить против присуждения Бобарыкину учёной степени его моральная нечистоплотность, неоднократные попытки надувательства.

— Латышев мои претензии к работе знает, он отговаривается тем, что несёт ответственность только за вычислительную сторону работы. Осипову же мне не удалось изложить свои замечания во время редких встреч с ним по той причине, что он либо спешил, либо был нетрезв. Сам Бобарыкин тоже хорошо знает, чем именно мне не нравится его работа, и я предупреждал его, что буду выступать против. Специально на защиту я, может, и не поеду, но отрицательный отзыв в совет пошлю, а если окажусь в это время в ИЗМИРАНе, то и выступлю на защите. В этом случае неизбежно столкновение с оппонентами: Фаткуллиным и Вами. Если с Марсом это уже вошло в традицию, то с Вами мне такую традицию не хотелось бы устанавливать.

— Мне кажется, что, вчитавшись в работу Бобарыкина, Вы согласитесь с моим мнением о ней. Ну, а если нет - значит, нет. Всё же уведомить Вас о нашем отношении к работе я счёл своим долгом.

— Примите мои новогодние поздравления и искренние пожелания всего наилучшего.

Ваш А.

Намгаладзе

27 декабря

1982 г."

— И вот теперь Коля, видать, подготовил все документы и попал в пару с Клименко, причём Ситнов уверял, что у него нет никаких формальных зацепок, чтобы отодвинуть Колю, и заменить его некем, так как другие очередники не готовы.

— Володя Клименко, конечно, очень расстроился, да и все мы вместе с ним. До этого я не собирался устраивать преследование Бобарыкина - слишком много чести, но отзыв, конечно, в совет бы представил. Отрицательный, разумеется. Может быть, и выступил бы

на защите, если бы на ней оказался, что, впрочем, было маловероятно, так как дни защит не совпадали с днями заседаний секции, на которых я бывал, а специально на защиту Бобарыкина топить его я бы, конечно, не поехал.

— Теперь же получалось, что мне не миновать быть на его защите. И выступление моё против Бобарыкина (да даже наличие только письменного отрицательного отзыва от меня) скажется уже не только на Колиной защите, но и на защите Клименко, причём, наверняка, неблагоприятным образом. Во-первых, озлобит Марса и Кринберга, которые будут на защите. Ведь моё выступление против работы Бобарыкина будет очередным выступлением и против них, давших положительный отзыв на Колину диссертацию.

— Вполне возможно поэтому, что в пику мне они начнут цепляться к Володе, моему подопечному, работа которого в ряде мест пересекается с работой Бобарыкина и посвящена исследованию близких или даже тех же вопросов (провал, плазмопауза, полярный ветер, учёт инерции ионов). Клименко, конечно, боец и чувствует себя уверенно, но всё равно неприятно знать, что к тебе с предубеждением относятся доктора наук, специалисты в твоей области, к мнению которых совет обязан прислушаться.

— Во-вторых, моя критика Бобарыкина может быть воспринята некоторыми членами совета как попытка помочь Клименко, как намерение притопить его конкурента, а это может зародить сомнения в достоверности и надёжности результатов Клименко.

— Правда, ситуация может немного облегчиться, если сначала будет защищаться Клименко, а потом Бобарыкин. Это можно будет устроить через Ситнова. Но про мой отрицательный отзыв оппоненты Бобарыкина всё равно будут знать, я обязан представить его в Совет заранее, и они могут начать превентивную атаку на Клименко, не дожидаясь моего выступления.

— Плюнуть, не выступать и не посылать никакого отзыва о Колиной работе?

Промолчать в тряпочку. А значит, послать коту под хвост и забыть всю прошлую борьбу с Колей, о которой многие в ИЗМИРАНе знают - ребята от Дёминова и Ситнова, прежде всего? А как тогда своим потом в глаза глядеть? Боролся, боролся, а в решающий момент отступил?

— Дать Коле защититься, чтобы не испортить защиту Клименко, а потом вечером наблюдать, как вся измирановская гостиница будет ходуном ходить от Колиного празднования своего успеха? Или уж и праздновать вместе с ним и Костей, Марсом и Колей Осиповым, Кринбергом и ещё там кем? Нет уж, на фиг. Надо постараться не допустить, чтобы Клименко и Бобарыкин защищались в один день. Но как это сделать?

— А чего ты голову ломаешь? - говорил мне Кореньков. - Это Бобарыкину надо голову ломать. Думаешь, он обрадовался, что попал на защиту в одну пару с Клименко? Ему с нами на защите тоже неохота встречаться и, пожалуй, даже больше, чем нам с ним. Пусть сам перенесёт свою защиту, попросит отсрочки. Должен же понимать, что ему невыгодно и очень даже опасно идти наверняка на открытое столкновение с тобой.

— Ты что, Бобарыкина не знаешь? Он ведь как бык на красную тряпку полезет, лишь бы покончить разом со всем этим, наконец.

— А ты попробуй Костю уговорить. Костя не дурак всё-таки и влияет на Бобарыкина. Научный руководитель, как никак. Объясни ему ситуацию. Косте ведь тоже скандал не нужен, первый его диссертант защищается, к чему рисковать?

— Пожалуй, ты прав.

— Я по телефону пригласил Костю для разговора в кирху, объяснив вкратце, по какому поводу. Он пришёл вместе с Бобарыкиным, которого я не звал, видеть не мог, а слушать тем более. Вопрос, однако, касался его самого, и я согласился на Колино присутствие, оговорив только, чтобы он помалкивал и в разговор не лез, пока не попросят.

— Суть моего предложения состояла в том, чтобы Коля отложил свою защиту под любым предлогом, болезни, хоть, например. Это позволит избежать открытой конфронтации на защите. Если же Клименко и Бобарыкин будут защищаться в один день, то я вынужден буду не только представить отрицательный отзыв в Совет, который я уже

приготовил - вот он, но и выступить на Колиной защите со всем, что я думаю о его работе и о нём самом как специалисте и человеке.

— Костя должен знать, что если меня понесёт, то я могу быть достаточно красноречивым, чтобы склонить на свою сторону необходимое число членов Совета, а уж если я ещё займусь их предварительной обработкой до защиты, то шансы защититься у Коли будут очень невелики. Пусть они сами сообразят, смогу ли я уговорить проголосовать "против" таких членов Совета как ... И я перечислил тех, кого мог со спокойной совестью числить в своих хороших знакомых или просто доверяющих моему научному авторитету. С Даниловым-то я уже говорил, и он обещал меня поддержать, если я публично выступлю сам (он ведь и Осипова, и Марса терпеть не мог).

— С моей стороны это был, конечно, шантаж чистой воды, запугивание. Но что было делать?

— Костя ещё мог пойти на компромисс, поскольку не любил и избегал всяких конфликтов, и, конечно, не хотел скандала на защите у первого своего диссертанта. Но Бобарыкину-то давно уже надоело ждать, и он к тому же боялся, что в любом случае выступлю против него, даже если он сейчас и перенесёт свою защиту. Наконец, на его стороне доктора наук Фаткуллин, Кринберг, Осипов, в качестве ведущей организации должен дать отзыв ИКИ (Гальперин), чего ему Намгаладзе бояться?

— Я обещал Косте и Коле, что если они сейчас с защиты работу снимут, то я во всяком случае не появлюсь потом у Коли на защите. А если они хотя бы минимально работу переделают в самых ненадёжных местах - они знают в каких - даже без переоформления, показав только мне результаты, то я и вовсе оставлю Колю в покое.

— В ходе всего этого разговора Бобарыкин порывался возникнуть и упираться:

— - Чего это Вы меня, Александр Андреевич, так не любите? Я готов защищать свою работу и не надо меня запугивать.

— Костя, однако, одёргивал его:

— - Ты, Коля, помолчи пока.

— И, обратившись ко мне, стал расспрашивать о формальных возможностях переноса защиты, как это оформляется и т.д. Я объяснил, что ничего страшного и криминального в этом нет, придётся только по всем адресам рассылки автореферата разослать сообщение об изменении срока защиты, а для Ситнова достаточно телеграммы о невозможности приехать на защиту хоть по причине болезни, хоть по какой другой - служебные или семейные обстоятельства не позволяют. Костя попросил несколько дней на обдумывание моего предложения и на этом мы разошлись.

— Наш разговор был утром, а после обеда мне в кирху по телефону позвонил из Красноярска Николай Константинович Осипов, второй Колин научный руководитель. Видать, Коля уже связался с ним и пожаловался на меня.

— - Ты что там к Бобарыкину цепляешься? Чего тебе от него надо?

— - Чтобы работу переделал.

— - Работа и так вполне диссертабельная, он ведь её уже переделывал по вашим требованиям, я сам всё проверял.

— - Николай Константинович, там есть грубейшие ошибки, галиматьи всякой понаписано много. А в этот же день мой Клименко будет противоположные результаты защищать - по опустошению силовых трубок, например. Не могу же я с обеими работами одновременно соглашаться!

— - А ты вообще на защиту не ездил. Присутствие научного руководителя вовсе не обязательно. Я так, например, не поеду, у меня лекции как раз во вторник. Пусть они сами защищаются.

— - Нет уж, чего это я Клименко буду бросать?

— - А чего тебе Бобарыкин дался? Было бы за что бороться - за жалкие кандидатские крохи! Да и подумай сам, какое ты впечатление произведёшь на публику со своими нападками на Колю! Стал доктором и изгаляется теперь, давит конкурентов своих

учеников!

—- Но Коля вообще жулик и проходимец! Таких надо подальше от науки держать!

—- Ну, а кто с этим будет на защите разбираться? Кому ты что докажешь? Раньше надо было с ним бороться.

—- Вот я и не хочу мारаться - сталкиваться с ним на защите. Пусть переносит её.

—- Тогда уж пусть твой Клименко переносит, если тебе так невмоготу.

—- Ну, вот ещё!

—- Так мы ни до чего и не договорились. Приближался назначенный срок защиты. Ни Костя, ни Коля мне не звонили. По слухам из университета, Бобарькин часами гонял машину на ВЦ при Костиной кафедре, никого другого в эти дни к машине не подпускали. Похоже было, что он надеялся ещё до защиты принести мне результаты, доказывающие его правоту. Но не нёс.

—- Я отправил свой отзыв на его диссертацию Ситнову с оговоркой, что заберу его обратно, если Бобарькин переделает работу или снимет диссертацию с защиты. И вот, когда Клименко уже отправился в ИЗМИРАН дней за пять до защиты, позвонил Костя:

—- Вышло, как ты хотел. Бобарькин откладывает защиту.

—- А через пару дней я сам приезжаю в ИЗМИРАН, встречаю там Клименко, и он мне сообщает:

—- Моя защита переносится на апрель. Нет кворума.

—- Тьфу, чёрт!

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)